

ХУДОЖНИК И ОБЩЕСТВО

В разговоре о времени, интеллигенции, выборе пути нам необходим был человек известный, много сделавший для отечественной культуры, но в то же время не связанный напрямую с многочисленными тусовками, политическими интригами, не рвущийся во что бы то ни стало на телеэкран. Наверно, вполне обоснованно наш выбор остановился именно на Михалкове-Кончаловском.

Лидия ГАЛУЩЕНКО

Андрей Сергеевич, вы уже нашли себя в этом мире и, наверное, можете его объяснить для себя. Возможно, вы нашли какое-то решение...

— Есть знаменитое выражение греческого философа: женись, мой друг, обязательно! Попадется хорошая жена — будешь счастливым человеком, плохая — станешь философом... Вот так, наверное, нужно ко всему относиться. Тем более что наше понятие о жизни меняется постоянно. И потом, что значит решение? Вы имеете в виду смысл жизни?

— Да.

— Общеизвестно — смысл жизни в том, чтобы суметь ответить на вопрос, в чем ее смысл? Я многого не понимаю в жизни: некоторых произведений искусств, некоторых пьес,

сен, хотя во многом это точка зрения с определенной дозой морального нейтралитета. Смысл явления зависит только от системы его ценностей. Поэтому для одного человека талант — это наказание, для другого — счастье. Как для одного неудача — катастрофа, для другого — стимул для роста. Все зависит от того, какой смысл всему этому дает человек.

— А для вас лично?

— Найденный талант — великое счастье. Ненайденный — большое несчастье, но не наказание. Талант помогает человеку выразить себя, хотя, конечно, бывает и горе от ума, но счастлив тот человек, который нашел себя в жизни. А это значит, ты понимаешь, что нужен. А как правило, человек нужен именно там, где он талантливее других. Это дает ему силы в жизни. А когда не умеешь делать что-то лучше других, ты

может быть, даже и раскаленной решеткой искусственной системы. Все были добропорядочны, все были хорошие... А потом оказалось: все не так. Мы сейчас ближе к тому, какие мы на самом деле, чем были при советской власти. Это с одной стороны. А с другой — в связи со вседозволенностью многое раскрылось. Еще Достоевский говорил, что, если бы мы могли все рассказать о человеке, сколько было бы грязи! Нет! Уж лучше не говорить всего о нем! Это, конечно, слабое утешение. Красота человека заключается не в том, что он хороший, а в том, что он способен подавить в себе звериные инстинкты. Абсолютно хороших людей не бывает. Бывают святые. Но их очень мало, и они, как правило, сумасшедшие. Но это не значит, что я к ним плохо отношусь. Мне кажется, что человек, который не делает зла, не может быть нормальным. Если бы это было естественным, то большинство людей были бы святыми, что далеко от реальности. Исходя из этого, можно понять, что у человека много негативных инстинктов: эгоизм, зависть, животность, трусость... Скажем, трусость — это инстинкт самосохранения. Смелый человек не тот, который ничего не боится, а тот, кто умеет в себе страх подавить. Добрый человек не тот, который все раздает, а тот, который может подавить в себе жадность, и т.д.

— Помните, у Голдинга: "Отчего люди такие злые?"

— "Оттого, милочка, что они

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ:

“Время слепых влюбленностей прошло”

постановок... И еще Бог знает, чего!

— Есть мнение, что человека делает человеком не то, о чем он говорит, а то, о чем он умалчивает...

— У китайцев есть хорошая поговорка: кто не знает, тот говорит, кто знает, тот молчит. Чувство меры — важная вещь. Но человеку это несвойственно. Все открытия сделаны как раз потому, что человек не знал чувства меры, перешагивая границы дозволенного. Любопытность, с одной стороны, ведет к познанию, а с другой — к разрушению. Ведь любопытство есть еще и желание разрушить все табу. И запреты. А разрушение табу часто оказывается разрушением морали. Поэтому я согласен с Солженицыным, вернее, с его статьей “Постмодернизм”... Когда нарушаются законы — уходит искусство. Самое интересное качество искусства в том, что оно всегда апеллирует к воображению. Искусство создает атмосферу, в которой человек является соучастником. Такое искусство использует воображение слушателей как инструмент. Кстати, в последнем номере журнала “Видео-асс” у меня должна выйти статья несколько хулиганская — “О пользе интеллектуального онанизма”. Надеюсь, она не пройдет незамеченной.

— Как вы думаете, талант — это счастье или наказание?

— Одна философская формулировка меня очень увлекает: никакое явление и ничто в жизни не имеет никакого смысла, кроме того смысла, который ты этому даешь. Я с этим согла-

меньше нужен или совсем не нужен. Тем более в нашем обществе, когда мы лишились каждый своей маленькой “полочки”. А сейчас вдруг выяснилось, что многие люди как бы оказались невостребованы в том качестве, в котором они всю жизнь жили, учились, работали... Это большое наказание и горе для них. Они растеряны. Ведь раньше им говорили, что они нужны, хотя они и тогда были не нужны. Но сейчас это стало реальностью: ты нужен — тебе платят, не нужен — нет. Все! Для нас это новая система мышления. Потому что, получая удары судьбы, человек ищет возможность стать необходимым. А это все не так просто. Надо пораскинуть мозгами, вдруг измениться и стать не научным сотрудником, а, скажем, продавцом, снабженцем, рокером, дилером или сидеть “на телефоне...” И это не унижение. Но если ты умеешь быть нужнее других, ты выживешь.

— Бог умер, и все дозволено, — писал Достоевский. Ушли моральные и нравственные принципы, а на смену божеству пришли уродство и расчет. Казалось бы, к Богу мы вернулись, а уродства и расчета стало еще больше...

— Это общепринятая точка зрения. Я не думаю, что наши духовные ценности стали ниже. У нас просто они стали такими, какие они есть на самом деле.

— Раньше мы их скрывали?

— У человека два лица: ангела и зверя. Они должны как-то сосуществовать между собой. И вот звериное лицо человека было придавлено железной, а

не могут найти своей доли счастья”. — “И оттого они непременно хотят отнять его у других?”. Как часто у вас его отнимали?

— Вы лучше спросите меня, сколько раз я пытался чего-то отнять! Я задаю себе этот вопрос постоянно. Чаше думаешь о том, что получишь ты, нежели о том, что потеряет другой. Собственно, этим человек и отличается от обезьяны. Он старается взять как можно больше, а сделать как можно меньше. Соглашусь, может быть, это и малолицеприятная, но истина.

— Я как раз и спрашивала вас в начале разговора об умалчивании...

— Иногда мне кажется, что как раз истина-то людям и не нужна. Людям нужна иллюзия. Вы знаете, самые крупные политики совсем не те, которые говорят людям, насколько они дурны. Как правило, крупные политики те, что говорят нам, как мы прекрасны. Это люди любят слушать о себе. Именно это дает нам силы.

— Вы любите, когда вас хвалят?

— А как же! Но глупая похвала бессмысленнее умной критики. Умная ругань — это прививка от гриппа...

— А чувство зависти вам знакомо?

— Не скрою, да.

— Андрей Сергеевич, представьте себе, сколько народу вам завидует?!

— Это уже другой вопрос. Можно завидовать по разным причинам: одному — что у него больше таланта, другому — что больше денег, третьему — что он умнее, четвертому — что мо-

ложнее... Всегда существует причина для зависти. Но есть разница: зависть, которая толкает тебя на дурной поступок, и та, что дает тебе стремление быть лучше. И вообще, может быть, зависть в какой-то степени — основа прогресса.

— Говорят, насколько мы не исполнили любви в жизни, настолько будем наказаны на том свете. Вы знаете меру своей неисполненности?

— Прежде всего я не знаю, есть ли “тот свет”. Но знаю, что он есть, — помогает: не так страшно умирать. Человек начинает думать “о том свете” в двух случаях: если он религиозен (что прекрасно) или — он по-настоящему стар и готовится к смерти. Ведь о Боге мы вспоминаем лишь тогда, когда у нас неприятности: самолет трясет — вспоминаешь о Боге. А так... Если что-то хорошее случится, редко, кто молится: “Спасибо тебе, Господи, за это...” Или плохое случилось, мало, кто скажет: “Спасибо, что не хуже...” Очень часто люди жалуются на неприятности: “Все, жить не могу!” Я в таких случаях предлагаю: “А вот отдай пальчик — указательный, я его тупым ножом отрежу, и у тебя не будет этой неприятности...” Я уж не говорю: “Отдай глаз!”. Но один-то глаз можно отдать, вроде бы... Человек сразу задумывается и говорит: “Да нет, пожалуй, я переживу и это...” Так что все на свете относительно. За исключением смерти. И то говорят, что и она относительна.

— Скажите, а вы бываете безрассудным?

— Очень часто.

— Это вам помогает или мешает в жизни?

— Иногда помогает, иногда мешает.

Я сейчас в том возрасте, когда мои безрассудства приносят мне удовольствия, ибо я проявляю проблески ушедшей юности. Но на безрассудные жертвы я не готов. Уже не готов.

— А какую роскошь вы можете себе позволить?

— Не иметь нужных знакомств. Нужные люди... Ты его презираешь, но должен с ним пить водку. Сидишь и думаешь: “Какой же ты идиот!”, но киваешь головой. Колоссальная роскошь — не иметь таких друзей.

— Андрей Белый, как-то играя словом “человек”, расшифровал его так: “Чело” “века”. Как вы считаете, Андрей Сергеевич, какое “чело” у нашего века и о чем вам думается накануне его окончания?

— Время слепых влюбленностей прошло. Эта фраза была сказана сто пятьдесят лет назад. Хватит мечтать о том, что можно построить идеальную жизнь. Жизнь прекрасна, какая она есть. А красота не живет без уродства, доброта не бывает без жадности — идеального мира нет. Нужно иметь терпимость и стараться делать жизнь по возможности лучше. Но слепая влюбленность в коммунизм или во что-то другое — иллюзия трех предыдущих веков. Давайте оставим все это в уходящем тысячелетии.